

Безопасность

Автор:

Пол Андерсон

Безопасность

Пол Уильям Андерсон

В Америке будущего особое внимание уделяется контролю и безопасности. Никто не хочет повторения тех ужасных событий, которые произошли семьдесят пять лет назад.

В мире, где безопасность всемогуща, ничто не может быть безопасным. Аллен Ланкастер, руководитель сектора Проекта, получает неожиданное предложение возглавить суперсекретную научную лабораторию. Является ли новое назначение доктора Ланкастера благословением или проклятием? Ведь часто бывает, что люди, которые узнают слишком много, терпят поражение и даже погибают. Скоро он все узнает.

Пол Андерсон

Безопасность

4

POUL ANDERSON

«SECURITY», 1953

Перевод с английского А. Грузберг

© ИП Воробьев В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

В мире, где Безопасность всемогуща, ничто не может быть безопасным. Подъем на горы может кончиться в глубоком космосе. Верность окажется государственной изменой. Но у этого есть и свои вознаграждения.

Быль очень тяжелый день в лаборатории, один из тех дней, когда все идет не так, как нужно. И, конечно, это был именно тот день, когда Хеммонд, инспектор по эффективности, решил сунуть свой нос. Еще одна запись в его блокноте – достаточное количество таких записей означает понижение в должности, а у Контроля есть привычка посылать пониженных в должности работников на Венеру. Это не наказание за преступление, но по существу то же самое. Аллен Ланкастер не боялся за себя: шеф сектора Проекта находится в прямой юрисдикции Контроля, а не Службы Эффективности, а Контроль его ценит. Но очень не хочется видеть, как наказывают Роджерса: мальчишка всего неделю назад женился.

И в завершение дня на стол Ланкастера лег отчет Седьмого Сектора Проекта. Безопасность наконец дала допуск к передаче отчета главам всех секторов – и это была конструкция электронного клапана, над которой лучшие люди в собственном секторе Ланкастера трудятся уже полгода. Полгода работы спущены в канализацию, все ни к чему, и теперь Ланкастеру нечего будет показать в следующем отчете по Проекту.

Он несколько минут громко бранился, привлекая восхищенные взгляды помощников. Для высокопоставленных работников безопасно ворчать по поводу Безопасности – в сущности это даже более или менее ожидалось. У ученых есть свои привилегии.

Одна из них – трехкомнатная квартира. Другая – дополнительный рацион алкоголя. Придя сегодня вечером домой, Ланкастер решил воспользоваться этим преимуществом. Как обычно, ужинал он в буфете, но не остался, чтобы поболтать. Всю дорогу домой в метро он думал о виски с содовой.

Теперь виски мягко блестит в стакане. Ланкастер вздохнул, и на его красивом лице появилась легкая морщинка. Он рослый мужчина, слегка сутулый, одежда его – мундир и штатское платье – постоянно слегка помяты. Одиноким по характеру, он все еще не женат, несмотря на налог на холостяков, и у него только один сын. Мальчику сейчас десять лет; он, должно быть, в «Молодой гвардии»; Ланкастер не знал этого, он никогда не видел сына.

За окнами темно, но свечение над стенами на небе говорило ему, что там пульсирует и рокочет город. Он любил одинокие вечера в своей квартире и выдержал сильное личное и официальное давление, чтобы не служить в одной из многочисленных патриотических организаций. «Да пошла она, эта служба, – отбивался он. – Я ведь выполняю не обычную скучную работу. Я в Проекте, и мне нужно расслабляться так, как я считаю необходимым».

Он выбрал запись из библиотеки. «Маленькая ночная серенада» окутала его, когда он отыскал кресло и сел. Контроль еще не дошел до того, чтобы выпустить списки одобренной музыки, но, конечно, Моцарта никогда не услышишь в публичных местах. Ланкастер достал из коробки сигару и поместил свое длинное тело в кресло на подушечке. Табачный дым, виски, хорошая музыка – это избавляло его голову от тревоги и раздражения; постепенно он погрузился в туман бесформенных сновидений. Да, этот мир совсем не плох.

* * *

Звякнула труба пневмопочты, и он с бранью открыл глаза. Какое-то время он испытывал соблазн оставить пневмопакет там, куда он упал, но привычка оказалась слишком сильна. Он прошел к корзине и достал пакет.

Надпись на пакете сразу заставила его прийти в себя.

Официально. Секретно. Только для адресата. И печать безопасности!

Он постарался успокоить сильно бьющееся сердце. Это не может быть серьезно – во всяком случае в том, что касается его лично. Иначе у его дверей был бы уже взвод мониторов и не было бы пакета по почте... Он сломал печать и осторожно развернул тонкий листок. Медленно принялся изучать его. Под официальной шапкой было короткое сообщение. «Срочно. Совершенно Секретно. Письмо и пакет уничтожить. Завтра, 15 июня, в 21:30 нашего времени, идите в обсерваторию, в ночной клуб на 57–30 улицы Виктория и спросите у метрдотеля мистера Берга. Скажете мистер Берг ваш старый друг, у вас с ним встреча. За неаккуратность исполнения обычное наказание».

Никакой подписи. Ланкастер несколько мгновений стоял, пытаясь понять, что бы это значило. На коже выступил холодный пот. Потом он подавил эмоции. Ему бояться нечего. Его прошлое чисто, и арестовать его не могут.

Ему снова пришла в голову мятежная мысль. Конечно, новая фонетическая орфография эффективней прежней, хотя и не так эстетична; но в новой орфографии переиздается немного книг; многие работы по истории, политике, философии и тому подобное, а также некоторые научные тексты объявлены подрывными и сохраняются только по причинам безопасности; одно за другим старинные великие творения забываются.

Что ж, время сейчас трудное. Нет возможности тратить материалы и энергию на несущественные подробности. Несомненно, когда будет достигнут полный мир, начнется возрождение. А тем временем у Ланкастера есть Еврипид, Гете и другие, которых он любит, и он знает, у кого взять на время еще.

А что касается послания, он нужен для чего-то очень серьезного и, может быть, очень интересного.

Однако вечер испорчен.

* * *

Обсерватория, как и все разрешенные места отдыха, большое шумное помещение, где продают нерационализированную еду и выпивку, где проходят развлечения по неконтролируемым ценам; львиную долю выручки при этом забирает правительство. Темой этого места была астрономия. На потолке в

голубой дымке медленно вращались созвездия, и стриптизерши начинали выступление в воображаемых космических скафандрах. На стенах хорошие фрески, изображающие этапы завоевания космоса. Одна из этих фресок позабавила Ланкастера. Когда он был здесь три года назад, на фреске изображалась первая высадка на Ганимед: группа людей разворачивала немецкий флаг. Ему это запомнилось, потому что он случайно знал, что первую высадку на самом деле совершили русские. Но тогда Германия была нашим союзником, так что изображение было уместно. Но теперь Европа все больше недовольна американским господством в мире, и пионеры на Ганимеде держат, конечно, звездно-полосатый флаг.

Ладно. Надо, чтобы массы были довольны. Они не должны понимать, что все их жертвы и случающиеся недолгие войны необходимы, чтобы предотвратить катастрофу, какая случилась семьдесят пять лет назад. Раздражение Ланкастера направляли на недружественные иностранные государства и на недовольных в его собственной стране. Из-за них наука должна подвергаться строгому контролю со стороны Безопасности.

Метрдотель поклонился ему.

– Я ищу друга, – сказал Ланкастер. – Мистера Берга.

– Да, сэр. Сюда, пожалуйста.

Ланкастер пошел за ним. Он был в мундире офицера Проекта, но чувствовал, что все замечают его неряшливость. Мэтр вел его между столиками, за которыми сидели полупьяные клиенты: могучие космические стражники в черных мундирах, офицеры армии и воздушного флота, богато одетые промышленники и боссы профсоюзов, чиновники в штатском, их жены и дети. Все официанты – рабы-марсиане, заметил он, их фосфоресцирующие совиные глаза тлеют в тусклом голубом освещении.

Его провели в забраный занавесями кабинет. В нем автоподатчик, чтобы слуги не мешали тем, кто пользуется этим кабинетом; ультразвуковой шар на столе уже вибрировал, предотвращая возможность подслушивать. Ланкастер посмотрел на сидящего здесь человека. Он невысок, но широкоплеч и плотен в сером костюме. Лицо круглое, в веснушках, почти ангелоподобное под копной светлых волос, но в глазах мелькают дьявольские огоньки.

* * *

– Добрый вечер, доктор Ланкастер, – сказал этот человек. – Садитесь, пожалуйста. Что хотите выпить?

– Спасибо. Я бы выпил шотландского с содовой.

Можно сделать заказ подороже, раз уж счет оплачивает правительство. А если этот – Берг – решит, что пить импортное виски непатриотично, что с того? Ученые сел против хозяина.

– Кстати, я закажу себе то же самое, – мягко сказал Берг.

Он повернул циферблат и бросил в щель автоподатчика несколько пятидолларовых монет. Когда появился поднос, Берг с удовольствием сделал глоток и через край стакана посмотрел на Ланкастера.

– Вы высокопоставленный ученый в Проекте «Аризона», не так ли, доктор Ланкастер? – спросил он.

Согласиться достаточно безопасно. Ланкастер кивнул.

– А чем конкретно вы занимаетесь?

– Вы знаете, что я не могу вам сказать.

– Все в порядке. Вот мои документы.

Он достал бумажник. Ланкастер просмотрел карточки и вернул их.

– Хорошо, вы из Безопасности, – сказал он, – но я все равно без соответствующего разрешения ничего не могу вам сказать.

Берг дружелюбно улыбнулся.

– Отлично. Я рад, что вы скрытны. Слишком многие работники лабораторий не понимают необходимости сохранения тайны, даже между разными ветвями одной организации. – С неожиданной, как хлыст, резкостью: – Вы никому не говорили об этой встрече?

Вопреки своему желанию Ланкастер ответил громче, чем следует:

– Конечно, нет. Точнее подруга пригласила меня сегодня на вечер, но я сказал, что у меня встреча с кем-то другим.

– Хорошо. – Берг с улыбкой расслабился. – Можем перейти к делу. Вам оказывают большую честь, доктор Ланкастер. Вам поручается одна из самых важных работ в Солнечной системе.

– Да? – Глаза Ланкастера за контактными линзами расширились. – Но никто не информировал меня...

– Никто из ваших знакомых об этом не знает. Но скажите, вы ведь работали над диэлектриками?

– Да. Собственно изоляционные материалы – это моя специальность. Я написал диссертацию по теории диэлектрической поляризации, а потом... но нет, дальше закрытая информация.

– Хм. – Берг сделал еще один глоток. – А сейчас вы просто винтик в компьютерном Проекте. Видите, я кое-что знаю о вас. Однако было решено – выше, понимаете, на самом высоком уровне – временно снять вас с этой работы и дать вам другое задание, связанное с вашей специальностью. Больше того, вы перестанете быть частью огромной организационной машины, но будете в основном предоставлены сами себе. Чем меньше об этом узнают, тем лучше.

Ланкастер не был уверен, что ему это нравится. После того как работа будет кончена, если он будет обладать всей информацией, он будет представлять угрозу для Безопасности и его могут посадить в лагерь или даже расстрелять. Такое случается. Но он ничего не может сделать.

– Не бойтесь. – Берг словно прочел его мысли. – Вознаграждение вы можете получить не сразу, но в должное время получите. – Он искренне наклонился. – Повторяю: это совершенно секретный проект. Он важное звено в чем-то гораздо большем, чем вы можете себе представить, и мало кто ниже президента знает о нем. Поэтому сам факт, что вы в нем участвовали – вы будете заняты на периферии – должен оставаться неизвестным даже руководителям вашего Проекта.

– Вы, может, справитесь с такой трудной задачей, – сказал Ланкастер. – Но я нет. Безопасность внимательно следит за всем, что я делаю.

– Так мы работаем. У вас через две недели отпуск – трехмесячный, верно? Как вы собирались его провести?

– Хотел побывать на Юго-западе. Походить в горах, посмотреть каньоны и индейские реликты и...

– Да, да. Очень хорошо. Вы получите, как обычно, билет, у вас будет забронирован номер в отеле «Тихо» в Фениксе. Вы отправитесь туда и в свой первый вечер рано ляжете спать. Не стоит добавлять, что ляжете один. Мы будем вас ждать в вашем номере. Будет очень старательно подготовлен ваш двойник – хирургическая маскировка, пластиковые отпечатки на пальцах, двойник будет знать все о ваших привычках, вкусах и манерах. Он останется и проведет ваш отпуск, а вас мы увезем. Аналогичный обмен будет проведен по вашему возвращению; вам расскажут все, что делал летом ваш двойник, и вы возобновите свою нормальную жизнь.

– Хммм... да... – Слишком все это неожиданно. Ланкастер начал возражать. – Но послушайте, я вернусь из отпуска на свежем воздухе, загоревший и хорошо отдохнувший. Кто-нибудь обязательно заподозрит...

– Там, куда вы отправитесь, будут ультрафиолетовые лампы, мой друг. И думаю, совершенно самостоятельная работа, которая вам очень интересна, для отдыха гораздо лучше летнего отпуска. Я знаю ментальность ученых. – Берг усмехнулся. – Да, знаю.

* * *

Обмен прошел так гладко, что был лишен всякого драматизма, хотя у Ланкастера было несколько неожиданных странных мгновений, когда он смотрел на своего двойника. Как будто на него в этом безличном номере смотрело его собственное лицо, а сам он сидел на фоне развевающихся занавесок и темной ночи. Потом Берг жестом велел ему идти за собой, и они спустились по веревочной лестнице, свисавшей из окна номера. Машина, ждавшая внизу в переулке, взревела и пошла, как только они оказались в ней.

В машине были шофер и еще один человек на переднем сидении, оба казались тенями на фоне уличных фонарей и ночи. Берг и Ланкастер сидели сзади, и тайный агент всю дорогу разговаривал. Но не сказал ничего содержащего информацию.

Когда они по шоссе далеко углубились в одиночество пустыни, машина свернула, пошла по разбитой сельской дороге, пересекла хребет, и они подъехали к гигантскому закрытому трансконтинентальному грузовику. Из кабины грузовика вышел человек, неторопливо махнул рукой, и машина объехала грузовик и остановилась за ним. Задняя дверь фургона открылась, образовав рампу; за ней большая двойная дверь открывалась в темную пещеру. Машина поднялась по рампе, человек за ними закрыл дверь. И грузовик пошел.

- Поистине тайна, - присвистнул Ланкастер. Он чувствовал себя слегка испуганным и беспомощным.

- Совершенно верно. Безопасность не любит, когда правая рука правительства знает, что делает левая. - Берг улыбнулся, на его темном лице сверкнули белые зубы. Потом он стал серьезен. - Это необходимо, Ланкастер. Вы не знаете, как сильны и хорошо организованы подрывные элементы.

- Они...

Физик закрыл рот. Это правда, он ничего не знает. Он следил за новостями, но поверхностно, не пытаясь анализировать их смысл. Да будь они прокляты, у него есть о чем думать. Очень хорошо, что выборы отложены и все продолжают беспрекословно повиноваться. Если даже он, представитель интеллигенции, недостаточно знает политические и военные факты, чтобы принимать разумные решения, плохо образованным массам тем более надлежит повиноваться.

– Можно передохнуть, – сказал шофер. – Дорога предстоит долгая.

Он выбрался со своего места и включил свет в фургоне.

* * *

Внутренности фургона оказались очень просторными, даже машина оставляла много места. Внутри были койки, стол и стулья, небольшой холодильник и кухонная печь. Шофер, худой мрачный человек, который как будто вечно жевал жвачку, начал готовить кофе. Второй человек сел и принялся монотонно высвистывать. Молодой и сильный, но вместо правой руки протез. Все они были одеты в непримечательные штатские костюмы.

– Предстоит около десяти часов пути, – сказал Берг. – Космический корабль дальше в Колорадо

Он поймал удивленный взгляд Ланкастера и улыбнулся.

– Да, друг мой. Ваша лаборатория в космосе. Удивлены?

– Ммм... да. Я никогда не улетал с Земли.

– Все в порядке. Корабль движется с ускорением, у вас не будет космической болезни.

Берг подтащил стул, сел и откинулся на спинку. Под ровный гул двигателя он заговорил:

– Интересно рассмотреть взаимоотношения правительства и военной технологии. Сильные авторитарные правительства всегда возникали в такие времена эволюции техники, когда появлялись успешные боевые машины, сложные, дорогие и доступные для изготовления только профессионалам. Как в Римской империи. Требовались годы, чтобы подготовить легионера, и много денег для вооружения армии и содержания ее в поле. Поэтому Рим стал автократическим. Однако это было не настолько дорого, чтобы какой-нибудь мятежный полководец не мог подготовить собственную армию, он мог платить ей добычей. В результате возникают гражданские войны. Потом, когда империя

рухнула и войны вели отдельные варварские племена со своим оружием, правительство стало не таким сильным. Ему пришлось быть таким: правитель, который набирал слишком много силы, тут же сталкивался с восстанием. Потом, когда война снова стала искусством... ну, видите, как это развивается. Есть, конечно, другие факторы, типа религии – идеология в целом. Но в основном все развивается так, как я описал. Потому что всегда найдутся люди, готовые сражаться, если считают, что правительство наступает на их свободы, а правительство всегда старается эти свободы ограничить. Так что равновесие зависит от сравнительных сил. Американские колонисты в 1776 году рассчитывали на гражданские отряды, а оружие было таким дешевым, что его мог раздобыть почти каждый. Поэтому правительство долго оставалось слабым. Но сегодня кто, кроме правительства, может производить атомные бомбы и космические ракеты? И поэтому мы имеем абсолютные государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/anderson_pol/bezopasnost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)